

Открытие себя и мира на вертикали взросления

Растущее поколение на пути в пространство-время будущего

Проблемное поле взросления

М. С. Гусельцева, А. Г. Асмолов

Растущий человек в антропологической перспективе: от депривации образов будущего к рождению свободы (к 90-летию со дня рождения академика РАО Д. И. Фельдштейна)¹

Мир детства, социализация растущего человека, вопросы воспитания и образования подрастающих поколений — ведущие темы исследований российского педагога и психолога, специалиста в области возрастной и педагогической психологии Давида Иосифовича Фельдштейна (1929—2015). В наши дни его идеи и представления могут быть продуктивно дополнены новыми данными, полученными в исследованиях смежных с психологией наук. Утверждается, что перспектива антропологии будущего в изучении растущего человека в пространствах современности задает концептуальную рамку для совмещенного анализа социального, личностного и когнитивного развития современных детей и подростков. При этом учитываются неочевидные социокультурные и методологические нюансы, позволяющие наиболее продуктивно с позиции проблемы растущего человека проинтерпретировать новые данные политологов, исследователей культуры, социологов и психологов об особенностях современного детства, феноменологии растущего человека, специфике поколенческих трансформаций. Обсуждаются эмансипативные ценности, феномены индивидуализации и стихийного обновления поколений, самоорганизации, повседневной гражданственности и солидарности как подспудно происходящие в российском обществе латентные процессы социализации при переходе от социальной парадигмы выживания к парадигме саморазвития и жизненного творчества.

Ключевые слова: Д. И. Фельдштейн, детство, растущий человек, поколение, эмансипативные ценности, субъект, свобода, образование, антропология будущего, трансдисциплинарность.

В пестрой панораме междисциплинарных исследований XX в. уже вряд ли необходимо доказывать, что детство выступает как особый культурно-исторический феномен. Так, положение о культурно-исторической природе детства стало едва ли не общим местом для демографических (см., например, [6; 7]), исторических [1], антропологических [15], этнографических [40; 41], социологических [11; 14] и психологических исследований [8; 10; 13; 39]. На фоне этого каскада классических исследований, казалось бы, непросто обрести собственный голос, выпасть из общего хора культурно-исторической парадиг-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00365 «Цифровая социализация в культурно-исторической перспективе: внутрипоколенческий и межпоколенческий анализ».

мы, но именно это удалось одному из рыцарей детства, психологу и педагогу Д. И. Фельдштейну [28; 29; 30; 31; 32; 33; 34].

Д. И. Фельдштейн рассматривал детство в качестве особого феномена и «пространственно-временной целостности развития растущего человека» [33. С. 4], уделяя пристальное внимание как взаимоотношениям общества и ребенка, так и способности общества видеть в ребенке субъекта деятельности и личность. Его исследования растущего человека изначально обладали сензитивностью и — хотя этот термин непривычен для научного лексикона — *щепетильностью* по отношению к пониманию детства как аксиологического, а не только культурно-исторического и антропологического феномена. Если же взглянуть на эти работы Д. И. Фельдштейна через оптику методологии социального конструктивизма, то можно обнаружить, что ключевая особенность его авторского стиля связана с конструированием мира детства, созданием развивающих психолого-педагогических программ, построением аксиологической перспективы социализации подрастающих поколений [Там же].

Следует также подчеркнуть особую чувствительность подхода Д. И. Фельдштейна к происходящим в обществе изменениям, его готовности ассимилировать новые взгляды, пересматривать старые концепции, учитывать современные трансформации и культурно-исторического, и познавательного контекстов (см., например: [30; 31]). Так, Д. И. Фельдштейн справедливо отмечал, что современная социокультурная ситуация развития растущего человека отличается «усложнением экологических, энергетических, экономических, этнических, демографических и других проблем» [33. С. 13], и это ставит перед исследователями задачи оптимальной организации жизнедеятельности подрастающего человека, усиления гуманистических начал в системе расширения и укрепления коммуникативных связей между разными поколениями на исторической сцене меняющегося общества. Описанная ситуация, с одной стороны, выдвигает принципиально новые требования к самому растущему человеку, а с другой — задает вполне определенное направление поисков для построения системы образования, учитывающей и трансформации общечеловеческого масштаба, и текущие изменения в конкретных обществах и социальных группах [Там же].

В антропологической же перспективе познания развития общества и человека детство предстает в качестве носителя неведомых образов будущего, проекций и чаяний современности, а также определенных ценностных ожиданий. «Главным становится раскрытие закономерностей, характера, содержания и структуры самого процесса развития (во всех формах и на всех уровнях его проявления) ребенка в Детстве и Детства в обществе (в целом, на всей дистанции Детства), выявление скрытых возможностей этого развития в саморазвитии растущих индивидов, возможностей такого саморазвития на каждом этапе Детства и установление особенностей его движения к Взрослому Миру (что чрезвычайно важно учитывать в построении воспитательного процесса)» [Там же. С. 6—7].

В связи с вышесказанным задача выявления образов будущего, ценностных ориентаций, установления ориентиров и направлений личностного развития растущих людей приобретает в наши дни особую значимость. Д. И. Фельдштейн отмечал, что в настоящей социокультурной ситуации раз-

вития современных детей и подростков, с одной стороны, взрослый мир «стал значительно меньше прессинговать молодого человека; с другой — серьезно нивелировалось значение для ребенка, подростка проблемы будущего» [32. С. 27]. Отсюда с необходимостью проистекает вполне конкретная познавательная задача — выявление закономерностей «не только когнитивного, социального, но и духовного развития детей, их переживаний, стремлений, сомнений» [Там же]. Все это, вместе взятое, требует кардинальной перестройки системы образования и воспитания подрастающих поколений, «организации системы специальных мер», направленных на привитие молодым людям «общечеловеческих нравственных ценностей, таких как человечность, терпимость, совесть, понятие чести, чувство стыда, милосердия и т. д., а также выработки самоуважения; понимания ценностей культуры, готовности к самосовершенствованию и непрерывному образованию как способу жизни; развитого эстетического вкуса; сознательного отношения к своему здоровью и окружающей среде; ориентированности в основных законах природы, общества и в современных социально-экономических и социально-культурных изменениях, опирающейся на знание законов развития; ориентированности в многоплановых, прежде всего, в семейных отношениях; способности самовыражения и самореализации в реально значимой общественно оцениваемой и общественно принимаемой деятельности» [Там же. С. 28]. Эти сказанные Д. И. Фельдштейном слова сделались в наши дни, пожалуй, еще более актуальными. Расширяющиеся познавательные (трансдисциплинарные) контексты и появившиеся за последние несколько лет исследования позволяют обнаружить в сформулированной Д. И. Фельдштейном познавательной программе мира Детства более глубокий и продолжающий самостоятельное развитие смысл. Ибо как никогда значимыми являются сегодня раскрытие в каждом растущем человеке его творческой индивидуальности, способности к критической переработке обрушивающейся со всех сторон многоканальной информации, наличие нравственного стержня и ценностных опор в его непростых жизненных выборах и самостроительстве, происходящем в сложном, разнообразном, непредсказуемом и стремительно изменяющемся мире [2].

Немного методологии: концептуальная рамка для осмысления разнообразия данных

Перспектива антропологии будущего в изучении растущего человека в пространствах современности задает новую концептуальную рамку для со-вмещенного анализа социального, личностного и когнитивного развития современных детей и подростков. Зачастую эта концептуальная рамка ассоциирована с трансдисциплинарным подходом в психологии и в философии, позволяющим объединить те культурно-психологические феномены, которые прежде рассматривались как противостоящие или разнонаправленные [9; 25]. Так, в наши дни уже не нуждается в дополнительном обосновании тезис, что в самостроительстве растущего человека *нет социализации без индивидуализации, а подлинная индивидуализация невозможна без освоения универсальных ценностей*. Следует отметить, что эту проблему в свое время затра-

гивали отдельные философы, педагоги и психологи, такие как В. А. Роменец, М. М. Рубинштейн [23; 24]. В наши же дни эта проблема приобретает новые ракурсы и измерения. Постепенно формируется консенсус, что не бывает в обществе подлинной солидарности без ценности личной автономии, а свобода есть системообразующее условие для формирования граждански ответственного человека [4; 11; 12; 37; 42].

Социализация детей, подростков и молодежи претерпевает серьезные изменения в эпоху массовых коммуникаций, Интернета, киберпространств, ценностных сдвигов, особенно в переживаемый Россией период затянувшейся модернизации при переходе общества от режима *выживания* к режиму *саморазвития* (в терминологии Р. Инглхарта [11]) и нового социального творчества. Разного рода эмпирические социально-психологические исследования и социологические опросы свидетельствуют о социокультурной разнородности подрастающего поколения, его многомерности, о тенденциях к разрыву «связи времен» и т. п. Вместе с тем следует отметить, что системные программы, направленные на выявление социального профиля молодого поколения и роли спонтанно трансформирующейся идентичности в развитии общества, находятся лишь на предварительной стадии разработок, едва успевая за наступающими растущего человека переменами. В этих исследованиях приоритетную роль играют взаимодействие психологии с науками антропологического круга, а также использование в собственном культурно-психологическом анализе портрета подрастающих поколений данных, полученных в трансдисциплинарном пространстве смежных наук.

Перспектива антропологии будущего, учитывающая косвенные, неочевидные социокультурные и методологические нюансы, позволяет сегодня наиболее продуктивно с позиции проблемы растущего человека проинтерпретировать новые данные политологов, исследователей культуры, социологов и психологов об особенностях современного детства, феноменологии растущего человека, специфике поколенческих трансформаций.

Едва ли следует дополнительно говорить о важности для психологии использовать результаты смежных наук для собственного изучения происходящих с миром детства перемен, однако в данном случае гораздо более значим тот факт, что полученные в социологических исследованиях эмпирические данные приобретают особый смысл при их интерпретации с позиций антропологической перспективы и в концептуальной рамке трансдисциплинарного подхода. Также невозможно переоценить значимость для психологии исследований аксиологических трансформаций К. Вельцеля [4], Р. Инглхарта [11] и результатов Всемирного исследования ценностей, представленного в наши дни в качестве единой базы данных со свободным доступом [47].

В концепции К. Вельцеля исторический процесс обретения человеком свободы описывается как его эмансипация (т. е. обретение людьми субъектности, самодисциплины, принятие ответственности за свое поведение и жизненные практики), отсюда проистекает и его известное понятие — «*эмансипативные ценности*». В свою очередь, это освобождение проявляется на поколенческой сцене как ослабление механизмов социального контроля и отказ от конформистских стратегий поведения, что позитивно коррелирует с наби-

рающей силу тенденций к индивидуализации¹. Именно эмансипативные ценности являются необходимым основанием для возникающей в обществе гражданской солидарности. «Совместное признание полезности свобод мотивирует коллективные действия, нацеленные на отстаивание этих свобод» [4. С. 78].

В российских социологических исследованиях новые эмпирические данные о происходящих ценностных трансформациях представлены в работах В. С. Магуна, М. Г. Руднева, П. Шмидта, Е. Л. Омельченко, Э. Л. Панеях, В. В. Радаева и др. [17; 18; 19; 21; 22; 44; 45]. Несмотря на множество разнообразных исследований растущего человека в современном трансформирующемся мире, преимущество названных работ заключается в мониторинге, осуществляющемся на протяжении десятилетий, результаты которого, касающиеся именно проблемы растущего человека, обобщены соответственно в статье Е. Л. Омельченко [19] и недавно вышедшей книге В. В. Радаева [22].

Следует отметить, что в текущей познавательной ситуации мы сталкиваемся как с разнообразными исследованиями трансформации поколений, так и с критикой деления современников на поколения [38]. Несмотря на тот факт, что эта критика достаточно обоснованна, дифференциация меняющегося общества на поколения также представляет вполне работающий конструкт в том плане, что при всех индивидуальных различиях людей в срезах одного поколения последние есть относительно замкнутые культурно-исторические миры. Так, человеку довольно трудно вырваться из собственного жизненного и психологического хронотопа: из сложившихся схем мышления, коммуникативных сетей общения («эха камер»), устоявшегося мировоззрения. Для всего этого необходимо прилагать особые интеллектуальные усилия, направленные на ревизию того, чему его учили в школе, в вузе, а затем и в дальнейшей профессиональной жизни. «И я сжег все, чему поклонялся, / Поклонился всему, что сжигал» — именно так эту мысль лаконично зафиксировал в четверостишии И. С. Тургенев². Ф. Ницше метафорически описал механизм развития растущего человека в качестве *трех превращений духа*, где последовательно «дух становится верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребенком становится лев» [16. С. 18]. Современные психологи определили бы этот процесс как обретение субъектности, смену ведущего режима развития личности — с социализации на индивидуализацию, переход от стихийной интернализации культуры к вполне осознанному выбору и отбору строительного материала для саморазвития.

Остановимся и разберем здесь этот заслуживающий внимания небольшой фрагмент «О трех превращениях» из знаменитой книги Ф. Ницше [16]. Итак, в первом превращении «выносливый дух становится, как верблюд, на колени и хочет, чтобы хорошенько навьючили его» [Там же. С. 18]. Так работа-

¹ «Свобода в данном ключе носит не эгоистический характер, поэтому эмансипативные ценности в значительной мере взаимосвязаны с понятием толерантности, подразумевая большую толерантность к девиантному поведению и значимости частного, неприкосновенного личного пространства. Одновременно с этим эмансипативные ценности означают меньшую толерантность поведению, которое нарушает права других людей. Иными словами, в обществах не остается места для дискриминации по какому-либо признаку (расовая принадлежность, гендерное неравенство и т. д.), что свидетельствует о зарождении либерального типа толерантности, не допускающего проявления антилиберальных практик» [37].

² «Новым чувствам всем сердцем отдался, / Как ребенок душою я стал; / И я сжег все, чему поклонялся, / Поклонился всему, что сжигал» [26. С. 115].

ет наша система массового образования и воспитания, долгое время ставившая во главу угла психического развития ребенка именно механизм интериоризации (одностороннего движения от мира взрослых к миру ребенка). Однако стержнем подлинного развития, образования и воспитания является собственная *активность субъекта*. «Все самое трудное берет на себя выносливый дух: подобно навьюченному верблюду, который спешит в пустыню, спешит и он в свою пустыню. Но в самой уединенной пустыне совершается второе превращение: здесь львом становится дух, свободу хочет он себе добыть и господином быть в своей собственной пустыне» [16. С. 18].

В пространстве субъектности растущего человека встречаются внешние и внутренние потоки его развития. «Ты должен» — предъявляет свои требования окружающая среда. «Но дух льва говорит “я хочу”. Чешуйчатый зверь “ты должен”, искрясь золотыми искрами, лежит ему на дороге, и на каждой чешуе его блестит, как золото, “ты должен!”». Тысячелетние ценности блестят на этих чешуях, и так говорит сильнейший из всех драконов: “Ценности всех вещей блестят на мне”. “Все ценности уже созданы, и каждая созданная ценность — это я. Поистине, “я хочу” не должно более существовать!” Так говорит дракон» [Там же. С. 19]. Однако ожиданиям и требованиям внешней среды противостоит сам субъект, совершающий те или иные выборы. Ибо нет подлинного творчества жизни вне свободы и собственной активности, саморазвития и самостоятельности субъекта. «...К чему нужен лев в человеческом духе? Чему не удовлетворяет вьючный зверь, воздержный и почтительный? Создавать новые ценности — этого не может еще лев; но создать себе свободу для нового созидания — это может сила льва. Завоевать себе свободу и священное *Нет* даже перед долгом — для этого... нужно стать львом» [Там же]. Таким образом, растущий человек входит в метафорический возраст льва, когда начинает пересматривать навязываемые ему окружением требования, открывать и выбирать собственные ценности, строить свой жизненный путь. В умении сказать «нет», как известно, проявляются и субъектность, и индивидуальность.

«Завоевать себе право для новых ценностей — это самое страшное завоевание для духа выносливого и почтительного. Поистине, оно кажется ему грабежом и делом хищного зверя. Как свою святыню, любил он когда-то “ты должен”; теперь ему надо видеть даже в этой святыне произвол и мечту, чтобы добыть себе свободу от любви своей: нужно стать львом для этой добычи» [Там же]. Со свойственной ему тонкостью и проницательностью описывает Ф. Ницше внутреннюю сложность этого выбора, но именно так растущий человек обретает не только индивидуальность творца, но и профессионализм. Ибо, чтобы стать мастером своего дела, необходимо преодолеть все то, чему его прежде учили: сначала впитать культуральные традиции, а затем их преодолеть. «...Что может сделать ребенок, чего не мог бы даже лев? Почему хищный лев должен стать еще ребенком? Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо... Да, для игры созидания... нужно святое слово утверждения: своей воли хочет теперь дух, свой мир находит потерявший мир» [Там же].

Напомним, что в исследовании М. Вертгеймера «Продуктивное мышление» [5] был подмечен тот факт, что типичное школьное образование заглушает креативность и творческое восприятие ребенка. М. Фуко и иные яркие рефор-

маторы интеллектуальной мысли признавались в своих биографиях, что были вынуждены сознательными усилиями преодолевать полученное школьное и университетское образование. М. Фуко описывает процесс самообразования (воздвигания себя) следующим образом: «Наиболее значительные авторы, которые не скажу — сформировали меня, но позволили мне отойти от университетского образования... не были философами в институциональном смысле этого слова; разумеется, помог мне и личный опыт» [35. С. 214]. «Открытие Ницше произошло за пределами университета» [Там же. С. 224]. «Ницше, Бланшо и Батай дали мне возможность освободиться от тех авторов, что определяли мое университетское образование в начале пятидесятых годов: от Гегеля и феноменологов. <...> Если гегельянство представлялось способом рационального осмысления всего трагического, что было пережито поколением, непосредственно предшествовавшим нашему, и что еще продолжало нам угрожать, то за пределами университета на пике популярности находился Сартр со своей философией субъекта» [Там же. С. 221—222]. «Именно на таком интеллектуальном фоне и сформировался мой выбор: с одной стороны, в отличие от моих преподавателей, не заниматься историей философии, а с другой — искать нечто совершенно отличное от экзистенциализма» [Там же. С. 222]. Иными словами, новатору приходилось прокладывать собственный интеллектуальный путь, преодолевая как традицию, так и модные течения современности. Как правило, без этого преодоления не получается самостоятельного ученого. Разумеется, ничего зазорного в том, чтобы оставаться эпигоном, для исследователя тоже нет, ибо новаторов — всегда меньшинство, и для здорового общества это нормальное распределение новизны и традиции, динамика изменений и статус-кво.

Украинский философ А. О. Баумейстер [3] обсуждает профессиональное взросление растущего человека посредством метафоры литературных и религиозных сюжетов «отцеубийства»: так, Сократ причиняет окружающим людям боль, но развивающийся человек должен быть готов к боли. Участь всех преподавателей — символическое отцеубийство, ибо преподавание — трагическая профессия. Ученик духовно убивает учителя, чтобы раскрыть свое внутреннее содержание, ведь, чтобы реализовать свою самостоятельность, необходимо отрезать эти связи и мосты¹. Студенты критикуют своих преподавателей, отталкиваются от них — это здоровые тенденции в трансмиссии поколений и парадигмальном обновлении системы образования, в становлении самостоятельного и критически мыслящего растущего человека. Тем не менее особенностью современной культуры, отмеченной социологами, политологами, антропологами и психологами, является тот факт, что в наши дни уже нет такого выраженного конфликта отцов и детей, свойственного обществу вплоть до конца XX в. [43]. Более того, если этот конфликт еще прослеживается между поколениями 40—60-летних со своими родителями, то между 20—40-летними

¹ Ср.: Цветаева М. И. «Ученик» (1921): «Быть мальчиком твоим светлоголовым, / — О, через все века! / — За пыльным пурпуром твоим брести в суровом / Плаще ученика. / Улавливать сквозь всю людскую гушу / Твой вздох животворящ / Душой, дыханием твоим живущей, / Как дуновеньем — плащ. / Победоноснее Царя Давида / Чернь раздвигать плечом. / От всех обид, от всей земной обиды / Служить тебе плащом. / Быть между спящими учениками / Тем, кто во сне — не спит. / При первом черном занесенном камне / Уже не плащ — а щит! / (О, этот стих не самовольно прерван! / Нож чересчур остер!) / И — вдохновенно улыбнувшись — первым / Взойти на твой костер» [36].

родителями и их собственными детьми складываются уже более гармоничные отношения [38].

М. Мид, в наши дни неоднократно цитируемая, с удивительным прогностическим попаданием писала о небывалом ранее префигуративном типе функционирования культуры в постиндустриальном обществе. «Сегодня... во всех частях мира, где народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта... которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ. Сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие, но некоторые из взрослых предвидели, что так будет. Те, кто предвидели, оказались *предвестниками префигуративной культуры будущего, в которой предстоящее неизвестно*» [15. С. 361].

К чему все вышесказанное? Ключевая мысль этой статьи, адресованная условному миру взрослых, несет пожелание отказаться от готовых схем интерпретации, вынести за скобки уже имеющееся и предустановленное знание и постараться услышать голоса будущего в появляющейся разнообразной феноменологии изменений развития современных детей и подростков. В этом суть нашей исследовательской методологии — сознательными усилиями развивать сензитивность к еще не наступившим изменениям. И снова подчеркнем, что одним из ученых, спонтанно обладавшим этой способностью, был Д. И. Фельдштейн [30; 33; 34].

Новые данные о поколенческой трансформации

Формативные годы для каждого растущего человека, составляющего поколения, сегодня принято определять в возрастном диапазоне от 17 до 25 лет. Эти годы выделяют также как наиболее «впечатлительные» (*impressionable years*), поскольку именно в этот период подрастающие люди наиболее восприимчивы к происходящим социокультурным изменениям. В дальнейшем же накопленный в процессе социализации опыт «оказывает фундаментальное формирующее влияние на всю оставшуюся жизнь, в течение которой люди становятся менее восприимчивыми к изменениям» [22. С. 38].

В российской социологии установилась определенная традиция выделять пять поколений на основании вполне определенных исторических вех: «Великая Отечественная война — период оттепели — период застоя — перестройка и либеральные реформы — период стабилизации» [Там же. С. 39].

Поэтому, даже несмотря на разнообразие подходов, среди исследователей сложился определенный консенсус относительно определения границ поколений [Там же]. Однако здесь важно обратить внимание на *разный социокультурный контекст формирования этих поколений*. Так, если в западной традиции поколение, родившееся до войны, называют «молчаливым», то в России оно является «мобилизационным», и именно это отличие ярко демонстрирует значимость факторов культуры в осмыслении поколений: «Мы назвали это поколение “мобилизационным”. Его называют также молчаливым поколением (*silent generation*), но к российскому опыту это не вполне применимо» [21. С. 18].

Поколение, родившееся непосредственно в период войны (1939—1946), вступило во взрослую жизнь в так называемый период хрущевской оттепели (1956—1964), получив отсюда свое оригинальное историческое название. «Именно из этого поколения вышло значительное количество “шестидесятников”, активно проявивших себя позднее уже в значительно более зрелом возрасте — в период демократических и либеральных реформ 1980—1990-х гг.» [22. С. 47—48]. В свою очередь, послевоенное поколение (1947—1967) выступило на историческую сцену в период брежневского застоя (1964—1984). Примечательно, что в исследованиях группы В. В. Радаева [22] используется характерное название — «поколение застоя», тогда как в западной традиции это поколение именуют «беби-бумерами». Мы видим, что здесь опять проявилась тенденция российских исследователей ориентироваться прежде всего на исторические и режимно-персоналистские характеристики поколений, тогда как западные ученые используют внутренние критерии: будь то непроявленность («молчаливость») поколения или феноменология повышенного деторождения.

Четвертое российское поколение нарождалось в эпоху ослабевающей политической системы СССР, вступив во взрослую жизнь во времена горбачевской перестройки и последовавших за ней так называемых либеральных реформ (1985—1999). В классификации В. В. Радаева [22] оно получило название «реформенное поколение», а в зарубежной традиции — «неизвестное поколение», т. е. поколение X. Следующее за ним поколение Y (миллениалы) появилось на свет преимущественно в период российских реформ (1982—2000), а взросление миллениалов происходило в считающееся экономически благополучным и политически стабильным время начала нового тысячелетия. Наконец, в нулевые годы XXI в. родилось поколение Z (центениалы), являющее растущего человека нашего времени.

Миллениалов отличало прежде всего пролонгированное взросление: ведь именно в эту историческую эпоху резко увеличилась продолжительность жизни и повысилось ее качество. Также «миллениалов нередко называют первым “цифровым поколением” (digital natives), которые не расстаются с гаджетами и не вылезают из Интернета, погружены в виртуальную коммуникацию в социальных сетях» [21. С. 21]. В этой связи в исследованиях В. В. Радаева была поставлена цель — подвергнуть эмпирической проверке вышеобозначенное расхожее мнение: «миллениалы, действительно, наиболее активны среди всех взрослых поколений в использовании гаджетов и Интернета», однако решительный перелом (значимый количественный скачок) произошел все-таки в предшествующем поколении. Отличия характеристик «реформенного поколения» от «поколения застоя» оказались по этому параметру наиболее существенными. «Представителям реформенного поколения гаджеты достались уже во взрослый период, поэтому их называют “цифровыми иммигрантами” в отличие от “цифровых аборигенов”-миллениалов. Но представители реформенного поколения были еще достаточно молоды и деятельны, чтобы успеть “мигрировать” в цифровое пространство в достаточном количестве» [Там же].

Среди значимых данных, полученных В. В. Радаевым, следует отметить и показательную тенденцию к снижению алкоголизации в современной России, манифестировавшую также при смене поколений. Современные молодые люди

«не откладывают потребление, напротив, они пробуют алкоголь раньше, но пьют при этом реже и меньше» [21. С. 24]. Более того, эта тенденция носит едва ли не универсальный характер, находя подтверждение в изучении других стран: Австралии, Великобритании, США, Финляндии, Швеции и др. Наша же незамысловатая гипотеза заключается в том, что современная жизнь подрастающего человека сделалась интереснее, интерактивнее, богаче на впечатления: цифровая реальность предоставляет гораздо больше возможностей самореализации и разнообразия опыта, нежели способен дать алкоголь. Более того, на наших глазах формируются новые ценности — ценности трезвости, ясного сознания, наслаждения собственным разумом, этичным и экологичным потреблением, здоровым образом жизни и т. п. (см.: [11; 38]). Также в этом ряду показательны уменьшение доли курения и тот факт, что количество верующих «монотонно снижается с 56 % в мобилизационном поколении до 32 % у миллениалов» [21. С. 26]. В. В. Радаев отмечает, что полученные «результаты кажутся несколько неожиданными на фоне распространенных суждений о растущем увлечении религией (пусть даже и поверхностном) и на фоне... активного присутствия религиозных организаций и религиозной тематики в публичной сфере» [Там же]¹. Между тем, если мы рассматриваем эти данные в антропологической и общественицизационной перспективе, то они вполне согласуются с концептуализациями К. Вельцеля [4], Р. Инглхарта [11], а также С. Пинкера [46].

Более того, данные В. В. Радаева подтверждают, что вопреки теоретическим конструктам одной из российских социологических школ культурно-психологический тип «советского человека» решительно уходит с исторической сцены (это более показательно в сферах повседневности, нежели в искусственно пролонгированной политической реальности). «В этой связи следует обратить... пристальное внимание даже не на одно, а скорее на два поколения — реформенное и миллениалов, которые выросли в постсоветский период и, не имея деятельного советского опыта, вносят наибольший вклад во вторую волну социальных изменений» [21. С. 31].

В свою очередь, данные Е. Л. Омельченко [19] показывают, что в среде российской молодежи спонтанно формируются практики самоорганизации, возникают ценности гражданственности (новый тип патриотизма, ориентированный на этичное потребление и экологическую озабоченность). Важно подчеркнуть, что для фиксации происходящих перемен Е. Л. Омельченко использует новые термины: основанные на ценностной дифференциации *солидарности* вместо субкультур, *повседневную гражданственность* вместо государственного патриотизма и отмечает происходящее буквально в наши дни обретение российской молодежью гражданской субъектности.

Заключение

Стратегии развития образования, разрабатываемые в предшествующие периоды, нередко опирались на весьма размытый социальный портрет будущего поколения. Вряд ли следует детально аргументировать, что реформирование образования на фоне подобной «поколенческой неизвестности» влечет

¹ Ср.: по данным Е. В. Пруцковой [20], религиозные службы в России регулярно посещают лишь от 3 до 15 % населения.

за собой высокие риски социальной непредсказуемости в развитии современного российского общества.

Таким образом, системная картина многоканальных процессов социализации подрастающих поколений не может быть рассмотрена вне изучения взаимодействия институтов образования с трансформациями бытовой сферы, изменениями семейных отношений, ценностей; влияния интернет-пространства, иными словами, без анализа как текущей повседневности, так и глобальных событий общемирового масштаба. Если же образовательная политика будет происходить в изоляции от цивилизационных трендов (включая информатизацию, гуманизацию и индивидуализацию), а психология продолжит развиваться в дисциплинарной матрице, замкнутой исключительно на проблемы психического и нейрокогнитивного развития человека науки (а не науки трансдисциплинарного и антропологического круга), то, скорее всего, *растущие новые люди* («племя молодое, незнакомое») не только преподнесут «стареющему» российскому обществу самые неожиданные сюрпризы, но и установят собственные правила игры на стихийно изменившемся социально-политическом поле.

При этом следует отметить, что социальное пространство, в котором образы будущего постоянно ищутся в прошлом, не является дружелюбной средой для подрастающих поколений. Никакое будущее не открывается без рисков его новизны, ибо угрозы и возможности всегда следуют в одном пакете. Однако прогрессирующее человечество учится пользоваться возможностями, находя способы нейтрализовать угрозы. Так, книгопечатание в свое время вызывало практически те же опасения и обвинения в падении нравственности, которые в наши дни приходится на социальные сети и Интернет. Как бы ни старались консервативные силы затормозить прогресс, образы будущего и обновление неминуемо приходят на историческую сцену вместе с новыми поколениями, и то, что долгое время не удавалось отцам, в конце концов совершают их дети.

В заключение же процитируем небольшое стихотворение Ф. И. Тютчева [27], передающее дух эволюционного оптимизма:

Зима недаром злится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И все засуетилось,
Все нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захвата,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

The world of childhood, the socialization of a growing person, the issues of upbringing and education of younger generations are the leading research topics of the Russian teacher and psychologist, specialist in developmental and educational psychology, D. I. Feldstein (1929—2015). Meanwhile, these days his ideas and ideas can be productively supplemented with new data obtained in studies of the sciences related to psychology. It is argued that the anthropological perspective in the study of a growing person in the spaces of modernity sets the conceptual framework for a combined analysis of the social, personal and cognitive development of modern children and adolescents. At the same time, non-obvious sociocultural and methodological nuances are taken into account, which make it possible to interpret the most productively from the standpoint of the growing person problem the new data of political scientists, cultural researchers, sociologists and psychologists about the features of modern childhood, the phenomenology of a growing person, and the specifics of generational transformations. Emancipative values, the phenomena of individualization and spontaneous renewal of generations, self-organization, everyday citizenship and solidarity are discussed as latent processes of socialization that are latently occurring in Russian society in the transition from the social paradigm of survival to the paradigm of self-development and life creativity.

Keywords: D. I. Feldstein, childhood, growing person, generation, emancipative values, subject, freedom, education, anthropology of the future, transdisciplinarity.

Литература

1. *Ар'ес, Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Ф. Ар'ес. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999.
Ar'es, F. Rebenok i semejnaya zhizn' pri Starom poryadke / F. Ar'es. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 1999.
2. *Асмолов, А. Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия / А. Г. Асмолов // Психол. исследования. — 2015. — Т. 8, № 40. — Режим доступа: <http://psystudy.ru/num/2015v8n40/1109->
Asmolov, A. G. Psixologiya sovremennosti: vy'zovy' neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziya / A. G. Asmolov // Psixol. issledovaniya. — 2015. — Т. 8, № 40. — Rezhim dostupa: <http://psystudy.ru/num/2015v8n40/1109->
3. *Баумейстер, А. О.* Философия как непрестанное вопрошание и школа аналитического мышления [Электронный ресурс] : Лекция 4/5 : Курс лекций, прочитанных в Новом Акрополе / А. О. Баумейстер. — [Киев, 2017]. — Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=kTyi_Prgnhg
Baumejster, A. O. Filosofiya kak neprestannoe voproskanie i shkola analiticheskogo my'shleniya [E'lektronny'j resurs] : Lekciya 4/5 : Kurs lekcij, pročitanny'x v Novom Akropole / A. O. Baumejster. — [Kiev, 2017]. — Rezhim dostupa: https://www.youtube.com/watch?v=kTyi_Prgnhg
4. *Вельцель, К.* Рождение свободы (Freedom Rising) / К. Вельцель. — М. : ВЦИОМ, 2017.
Vel'cel', K. Rozhdenie svobody` (Freedom Rising) / K. Vel'cel'. — М. : VCIOM, 2017.
5. *Вертгеймер, М.* Продуктивное мышление / М. Вертгеймер. — М. : Прогресс, 1987.
Vertgejmer, M. Produktivnoe my'shlenie / M. Vertgejmer. — М. : Progress, 1987.
6. *Вишневский, А. Г.* Время демографических перемен : избр. ст. / А. Г. Вишневский. — М. : НИУ ВШЭ, 2015.
Vishnevskij, A. G. Vremya demograficheskix peremen : izbr. st. / A. G. Vishnevskij. — М. : NIU VShE', 2015.
7. *Вишневский, А. Г.* Демографическая история и демографическая теория / А. Г. Вишневский. — М. : НИУ ВШЭ, 2019.
Vishnevskij, A. G. Demograficheskaya istoriya i demograficheskaya teoriya / A. G. Vishnevskij. — М. : NIU VShE', 2019.
8. *Выготский, Л. С.* Психология развития человека / Л. С. Выготский. — М. : Смысл : Эксмо, 2005.
Vy'gotskij, L. S. Psixologiya razvitiya cheloveka / L. S. Vy'gotskij. — М. : Smy'sl : E'ksmo, 2005.
9. *Гусельцева, М. С.* Принцип развития в современной психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности / М. С. Гусельцева // Разработка и реализация принципа развития в современной психологии / под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. — М., 2016. — С. 31—51.

Gusel'ceva, M. S. Princip razvitiya v sovremennoj psixologii: vy'zovy' poliparadigmal'nosti i transdisciplinarnosti / M. S. Gusel'ceva // Razrabotka i realizaciya principa razvitiya v sovremennoj psixologii / pod red. A. L. Zhuravleva, E. A. Sergienko. — M., 2016. — S. 31—51.

10. *Запорожец, А. В.* Психическое развитие ребенка / А. В. Запорожец. — М. : Педагогика, 1986. *Zaporozhec, A. V.* Psichicheskoe razvitie rebenka / A. V. Zaporozhec. — M. : Pedagogika, 1986.

11. *Инглхарт, Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это изменяет мир / Р. Инглхарт. — М. : Мысль, 2018.

Inglhart, R. Kul'turnaya e'voluciya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivacii i kak e'to izmenyaet mir / R. Inglhart. — M. : My'sl', 2018.

12. *Кармадонов, О. А.* Неочевидность солидарности: проблема эмпирического изучения трудно верифицируемых социальных состояний / О. А. Кармадонов, Г. Д. Ковригина // Социол. исследования. — 2018. — № 10. — С. 14—23.

Karmadonov, O. A. Neochevidnost' solidarnosti: problema e'mpiricheskogo izucheniya trudno verifitsiruemy'x social'ny'x sostoyanij / O. A. Karmadonov, G. D. Kovrigina // Sociol. issledovaniya. — 2018. — № 10. — S. 14—23.

13. *Коломинский, Я. Л.* Психологическая культура детства / Я. Л. Коломинский. — Минск : Вышэйш. шк., 2013.

Kolominskij, Ya. L. Psixologicheskaya kul'tura detstva / Ya. L. Kolominskij. — Minsk : Vy'she'jsh. shk., 2013.

14. *Кон, И. С.* Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива / И. С. Кон. — М. : Академия, 2003.

Kon, I. S. Rebenok i obshhestvo: istoriko-e'tnograficheskaya perspektiva / I. S. Kon. — M. : Akademiya, 2003.

15. *Мид, М.* Культура и мир детства / М. Мид. — М. : Наука, 1988.

Mid, M. Kul'tura i mir detstva / M. Mid. — M. : Nauka, 1988.

16. *Ницше, Ф.* Так говорил Заратустра / Ф. Ницше // Соч. : в 2 т. — М., 1990. — Т. 2. — С. 5—237.

Niczsche, F. Tak govoril Zaratustra / F. Niczsche // Soch. : v 2 t. — M., 1990. — T. 2. — S. 5—237.

17. *Омельченко, Е. Л.* Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст / Е. Л. Омельченко // Социол. исследования. — 2013. — № 10. — С. 52—61.

Omel'chenko, E. L. Solidarnosti i kul'turny'e praktiki rossijskoj molodezhi nachala XXI veka: teoreticheskij kontekst / E. L. Omel'chenko // Sociol. issledovaniya. — 2013. — № 10. — S. 52—61.

18. *Омельченко, Е. Л.* От субкультур — к солидарностям и назад к субкультурам? : Споры о терминах и этнография молодежной социальности / Е. Л. Омельченко // Этногр. обозрение. — 2014. — № 1. — С. 3—8.

Omel'chenko, E. L. Ot subkul'tur — k solidarnostyam i nazad k subkul'turam? : Spory' o terminax i e'tnografiya molodezhnoj social'nosti / E. L. Omel'chenko // E'tnogr. obozrenie. — 2014. — № 1. — S. 3—8.

19. *Омельченко, Е. Л.* Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? / Е. Л. Омельченко // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. — 2019. — № 1. — С. 3—27.

Omel'chenko, E. L. Unikalen li rossijskij sluchaj transformacii molodezhny'x kul'turny'x praktik? / E. L. Omel'chenko // Monitoring obshhestvennogo mneniya : E'konomicheskie i social'ny'e pereмены'. — 2019. — № 1. — S. 3—27.

20. *Пруцкова, Е. В.* Связь религиозности и ценностно-нормативных показателей: фактор религиозной социализации / Е. В. Пруцкова // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитарн. ун-та. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. — 2015. — № 3. — С. 62—80.

Pruczkova, E. V. Svyaz' religioznosti i cennostno-normativny'x pokazatelej: faktor religioznoj socializacii / E. V. Pruczkova // Vestn. Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanit. un-ta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie. — 2015. — № 3. — S. 62—80.

21. *Радаев, В. В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ / В. В. Радаев // Социол. исследования. — 2018. — № 3. — С. 15—33.

Radaev, V. V. Millenialy' na fone predshestvuyushhix pokolenij: e'mpiricheskij analiz / V. V. Radaev // Sociol. issledovaniya. — 2018. — № 3. — S. 15—33.

22. *Радаев, В. В.* Миллениалы : Как меняется российское общество / В. В. Радаев. — М. : НИУ ВШЭ, 2019.

Radaev, V. V. Millenialy' : Kak menyaetsya rossijskoe obshhestvo / V. V. Radaev. — M. : NIU VShE', 2019.

23. *Роменец, В. А.* Жизнь и смерть в научном и религиозном истолковании / В. А. Роменец. — Киев : Здоровье, 1989.

Romenecz, V. A. Zhizn' i smert' v nauchnom i religioznom istolkovanii / V. A. Romenecz. — Kiev : Zdorov'e, 1989.

24. *Рубинштейн, М. М.* О смысле жизни : Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу / М. М. Рубинштейн ; под ред. Н. С. Плотникова, К. В. Фараджева. — М. : Территория будущего, 2008.

Rubinshtejn, M. M. O smý'sle zhizni : Trudy' po filosofii cennosti, teorii obrazovaniya i universitetskomu voprosu / M. M. Rubinshtejn ; pod red. N. S. Plotnikova, K. V. Faradzheva. — M. : Territoriya budushhego, 2008.

25. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р. В. Шольца. — М. : Навигатор, 2015.

Transdisciplinarnost' v filosofii i nauke: podkhody', problemy', perspektivy' / pod red. V. Bazhanova, R. V. Shol'cza. — M. : Navigator, 2015.

26. *Тургенев, И. С.* Стихотворения и поэмы / И. С. Тургенев. — Л. : Сов. писатель, 1970.

Turgenev, I. S. Stixotvoreniya i poe'my' / I. S. Turgenev. — L. : Sov. pisatel', 1970.

27. *Тютчев, Ф. И.* Стихотворения [Электронный ресурс] / Ф. И. Тютчев. — Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tjutchew_f_i/text_0100.shtml

Tjutchev, F. I. Stixotvoreniya [E'lektronny'j resurs] / F. I. Tjutchev. — Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/t/tjutchew_f_i/text_0100.shtml

28. *Фельдштейн, Д. И.* Психология развивающейся личности : избр. психол. тр. / Д. И. Фельдштейн. — М. : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1996.

Fel'dshtejn, D. I. Psixologiya razvivayushhejsya lichnosti : izbr. psixol. tr. / D. I. Fel'dshtejn. — M. : In-t prakt. psixologii ; Voronezh : MODE'K, 1996.

29. *Фельдштейн, Д. И.* Психология взросления : Структурно-содержательные характеристики процесса развития личности : избр. тр. / Д. И. Фельдштейн. — М. : Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та : Флинта, 1999.

Fel'dshtejn, D. I. Psixologiya vzrosleniya : Strukturno-soderzhatel'ny'e karakteristiki processa razvitiya lichnosti : izbr. tr. / D. I. Fel'dshtejn. — M. : Izd-vo Mosk. psixol.-social. in-ta : Flinta, 1999.

30. *Фельдштейн, Д. И.* Приоритетные направления психолого-педагогических исследований / Д. И. Фельдштейн // Сибир. пед. журн. — 2007. — № 2. — С. 68—74.

Fel'dshtejn, D. I. Prioritetny'e napravleniya psixologo-pedagogicheskix issledovanij / D. I. Fel'dshtejn // Sibir. ped. zhurn. — 2007. — № 2. — S. 68—74.

31. *Фельдштейн, Д. И.* Проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI века : (доклад на общем собрании РАО) / Д. И. Фельдштейн // Мир психологии. — 2012. — № 4. — С. 160—179.

Fel'dshtejn, D. I. Problemy' psixologo-pedagogicheskix nauk v prostranstvenno-vremennoj situacii XXI veka : (doklad na obshhem sobranii RAO) / D. I. Fel'dshtejn // Mir psixologii. — 2012. — № 4. — S. 160—179.

32. *Фельдштейн, Д. И.* Современное детство как социокультурный и психологический феномен / Д. И. Фельдштейн // Universum : Вестн. Герцен. ун-та. — 2012. — № 1. — С. 20—29.

Fel'dshtejn, D. I. Sovremennoe detstvo kak sociokul'turny'j i psixologicheskij fenomen / D. I. Fel'dshtejn // Universum : Vestn. Gercen. un-ta. — 2012. — № 1. — S. 20—29.

33. *Фельдштейн, Д. И.* Мир Детства в современном мире : (проблемы и задачи исследования) / Д. И. Фельдштейн. — М. : Изд-во Моск. психол.-социал. ун-та ; Воронеж : МОДЭК, 2013.

Fel'dshtejn, D. I. Mir Detstva v sovremennom mire : (problemy' i zadachi issledovaniya) / D. I. Fel'dshtejn. — M. : Izd-vo Mosk. psixol.-social. un-ta ; Voronezh : MODE'K, 2013.

34. *Фельдштейн, Д. И.* Проблемы формирования личности растущего человека на новом историческом этапе развития общества / Д. И. Фельдштейн // Образование и наука. — 2013. — № 9. — С. 3—23.

Fel'dshtejn, D. I. Problemy' formirovaniya lichnosti rastushhego cheloveka na novom istoricheskom e'tape razvitiya obshhestva / D. I. Fel'dshtejn // Obrazovanie i nauka. — 2013. — № 9. — S. 3—23.

35. *Фуко, М.* Интеллектуалы и власть : [избр. полит. ст., выступл. и интервью] / М. Фуко. — М. : Практис, 2005. — Ч. 2.

Fuko, M. Intellektualy' i vlast' : [izbr. polit. st., vy'stupl. i interv'yuu] / M. Fuko. — M. : Praxis, 2005. — Ch. 2.

36. *Цветаева, М. И.* Собрание сочинений : в 7 т. / М. И. Цветаева. — М. : Эллис Лак, 1994. — Т. 2 : Стихотворения, переводы.

Czvetavaeva, M. I. Sobranie sochinenij : v 7 t. / M. I. Czvetavaeva. — M. : E'llis Lak, 1994. — T. 2 : Stixotvoreniya, perevody'.

37. *Чмель, К. Ш.* Книга Кристиана Вельцеля «Рождение свободы» [Электронный ресурс]: обзор / К. Ш. Чмель // Лаборатория сравнительных социальных исследований. — 2017. — Режим доступа: <https://lcsr.hse.ru/news/203330850.html>

Chmel', K. Sh. Kniga Kristiana Vel'celya «Rozhdenie svobody'» [E'lektronny'j resurs]: obzor / K. Sh. Chmel' // Laboratoriya sravnitel'ny'x social'ny'x issledovanij. — 2017. — Rezhim dostupa: <https://lcsr.hse.ru/news/203330850.html>

38. *Шульман, Е. М.* Потребление сменяется с обладания объектом на получение впечатлений / Е. М. Шульман // Kalinka. — 2019. — № 8, март — июнь. — С. 150—159.

Shul'man, E. M. Potreblenie smenyetsya s obladaniya ob'ektom na poluchenie vpechatlenij / E. M. Shul'man // Kalinka. — 2019. — № 8, mart — iyun'. — S. 150—159.

39. Эльконин, Д. Б. Детская психология / Д. Б. Эльконин — М. : Академия, 2007.
Etkonin, D. B. Detskaya psixologiya / D. B. Etkonin — M. : Akademiya, 2007.
40. Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. — М. : Наука, 1988.
E'tnografiya detstva. Tradicionny'e formy' vospitaniya detej i podrostkov u narodov Yuzhnoj i Yugo-Vostochnoj Azii. — M. : Nauka, 1988.
41. Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. — М. : Наука, 1992.
E'tnografiya detstva. Tradicionny'e formy' vospitaniya detej u narodov Avstralii, Okeanii i Indonezii. — M. : Nauka, 1992.
42. Bennett, A. After Subculture : Critical Studies in Contemporary Youth Culture / A. Bennett, K. Kahn-Harris. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004.
43. Huerre, P. L'adolescence n'existe pas. Histoire des tribulations d'un artifice / P. Huerre, M. Ragan-Reymond, J. M. Reymond. — Paris : Editions Universitaires, 1990.
44. Magun, V. A Typology of European values and Russians' basic human values / V. Magun, M. Rudnev, P. Schmidt // Sociological Research. — 2017. — Vol. 56, № 2. — P. 149—180.
45. Paneyakh, E. Faking performance together: systems of performance evaluation in russian enforcement agencies and production of bias and privilege / E. Paneyakh // Post-Soviet Affairs. — 2014. — Vol. 30, № 2-3. — P. 115—136.
46. Pinker, S. The Better Angels of our Nature : The Decline of Violence in History and its Causes / S. Pinker. — London : Viking Books, 2011.
47. World Values Survey Data-Archive Online [Electronic resource]. — 2018. — Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

В. М. Розин

Трансформация взросления под влиянием смены социально-культурной формации

В статье ставится вопрос о том, не устарели ли психологические закономерности развития человека, установленные в советский период. В связи с этим рассматриваются две важные темы: что собой представляет взросление ребенка и подростка, а также какие значимые для образования социальные трансформации имели место в ходе социальных реформ нашего времени. Предлагаются значимые в плане взросления характеристики сущности детства и отрочества, обсуждается трансформация социальности, имевшая место при переходе от советского строя к современной России. Обсуждается механизм становления личности при переходе от детства к подростковому и юношескому возрасту. В конце статьи намечаются направления решений поставленных проблем взросления.

Ключевые слова: детство, отрочество, взросление, образование, учителя, культура, мышление, трансформация, школа.

Одним из значимых вкладов в науку о детстве и развитии подростка являются исследования Давида Фельдштейна, и в частности его концепция поуровневого развития личности. «Целенаправленное рассмотрение в качестве объекта исследования особенностей социального развития детей, условий становления их социальной зрелости и анализ ее формирования на разных этапах современного детства, — читаем в хрестоматии «Психология развития», где излагается эта концепция, — позволили вычленить два основных типа реально существующих позиций ребенка по отношению к обществу, условно названных нами “я в обществе” и “я и общество”» [7].

Первая позиция, где акцент делается на себе, отражает стремление ребенка понять свое «Я» — что такое «Я» и что я могу делать. Вторая касается осознания себя субъектом общественных отношений. Показательно, что обе эти позиции четко связываются с определенными ступенями развития детства — стадиями, периодами, этапами, фазами, фиксируя соответствующее положение растущего человека по